

УИИ
1100.
5813

О ГЛАВНѢЙШИХЪ НАПРАВЛЕНІЯХЪ

ВЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

XVIII-го и первой четверти XIX-го вѣка

Вступительная лекція

19 октября 1895 года

въ Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ

ординарнаго профессора

Е. В. ПѢТУХОВА.

80772

Юрьевъ.

Типографія К. Матисена.

1895.

STICA
-5813

О ГЛАВНѢЙШИХЪ НАПРАВЛЕНІЯХЪ
ВЪ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ
XVIII-го и первой четверти XIX-го вѣка

Вступительная лекція

19 октября 1895 года

въ Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ

ординарнаго профессора

Е. В. Пѣтухова.

80772

Юрьевъ.

Типографія К. Матисена.

1895.

Отискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Имп. Юрьевского Университета“
№ 4, 1895 г.

Est.

TRD Raamatukogu

6195

Мм. гг.!

Выбирая тему для настоящего своего вступительнаго слова, я желалъ разсмотрѣть такой вопросъ или такую сторону своего предмета, которая, удерживая за собою характеръ общаго интереса, была бы вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторымъ введеніемъ въ курсъ, который я намѣренъ предложить въ остающуюся часть этого и въ будущей семестрѣ своимъ слушателямъ — неспециалистамъ. Въ силу различныхъ соображеній, я рѣшился остановиться, для предстоящаго преподаванія, на исторіи русской литературы XVIII-го и первой половины XIX вѣка, имѣя въ виду эпизодически разсмотрѣть главнѣйшія явленія нашей, по преимуществу художественной, словесности такъ наз. новаго, послѣ-петровскаго періода.

Историки русской литературы, держась различныхъ направленій и взглядовъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и оспаривая разныя высказанныя въ нашей наукѣ мнѣнія о дѣленіи русской литературы на періоды, всѣ однакоже согласны въ томъ, что эпоха Петра Великаго, положившая во многомъ совершенно новыя основанія для политической и общественной жизни Россіи, соотвѣтственно этому и въ литературѣ дала начало новому ея періоду, который существенно отличается отъ предшествующаго періода — литературы древней. Въ послѣднее время вниманіе изслѣдо-

вателей какъ культурныхъ, такъ и литературныхъ судебъ Россіи съ особенной любовью обращается на изученіе XVIII вѣка, какъ такой эпохи, которая предшествовала Петровымъ преобразованіямъ, — и въ результатѣ получаютъ весьма внушительныя данныя, способныя убѣдить въ томъ, что эти преобразованія во всемъ своемъ объемѣ не были совершенной новостью, и что многое было подготовлено уже ранѣе естественнымъ ходомъ событій; между прочимъ, и въ литературѣ XVII вѣка оказывается очень немало такого, что, вытекая изъ содержанія и характера литературныхъ явленій предшествовавшихъ столѣтій, органически входило въ составъ литературы XVIII вѣка, сильно ослабляя рѣзкость того перехода, который могъ бы представляться наблюдателю безъ знакомства съ этими литературными фактами. Но, при всемъ томъ, этотъ выводъ было бы несправедливо доводить до крайнихъ предѣловъ и отрицать дѣйствительное существованіе въ нашей литературѣ многого новаго и подчасъ довольно рѣзкаго, появленіе котораго совпадаетъ съ началомъ реформаторской дѣятельности великаго преобразователя: XVIII-ый вѣкъ въ самомъ дѣлѣ начинаетъ собою новую эпоху въ исторіи русской литературы, не только пуская въ оборотъ новые литературные факты, но и соединяя съ ними новый историко-культурный смыслъ, предоставляя имъ новую роль въ общественной жизни. Мнѣ кажется, что одной изъ характернѣйшихъ особенностей этой новой эпохи въ нашей литературѣ являются такъ наз. литературныя направленія.

Собственно говоря, и древне-русская литература не была лишена извѣстныхъ „направленій“, но только этотъ терминъ слѣдуетъ понимать тамъ нѣсколько въ иномъ смыслѣ, чѣмъ для литературы новой. Извѣстно, что древне-русская литература, находившаяся съ самаго начала своего существованія подъ сильнымъ византійскимъ вліяніемъ и непосредственно или посредственно связанная съ византій-

ской литературой, отличалась религиознымъ направлениемъ. Затѣмъ, въ XIV—XV вв. мы замѣчаемъ южно-славянское вліяніе на нашу литературу, давшее начало особому литературному направленію, преимущественно въ области церковной лирики и агиографіи; въ XV—XVI вв. видимъ мы рядъ литературныхъ фактовъ, отразившихъ собою борьбу двухъ умственныхъ направленій въ древней Руси въ лицѣ такъ наз. „іосифлянъ“ и „заволжскихъ старцевъ“ и давшихъ матеріаль для выраженія двухъ направленій и въ литературѣ; во второй половинѣ XVI-го и особенно въ XVII вѣкѣ можно наблюдать въ Московской Руси, на общественной и литературной аренѣ, также борьбу двухъ направленій, изъ которыхъ одно, кіевское, шедшее изъ Южной Россіи, вооруженное средствами схоластической науки, отстаивало эту послѣднюю и нерѣдко впадало въ латинство даже въ самыхъ догматахъ вѣры, а другое, московское, руководясь въ большинствѣ случаевъ лишь начитанностью изъ византійскихъ источниковъ и мало знакомое съ латинской схоластикой, стояло не только за греческое православіе въ религиозныхъ догматахъ, но и за греческій языкъ въ высшей школѣ, основаніе которой въ Москвѣ тогда подготовлялось, — въ противовѣсъ латинскому языку, предлагаемому партией противниковъ. Но эти направленія, опираясь на извѣстный кругъ общественныхъ или литературныхъ явленій, не имѣли за собой однакоже никакой строго выработанной теоретической системы, никакого условнаго кодекса литературныхъ приемовъ и правилъ, какъ это имѣло мѣсто въ литературныхъ направленіяхъ XVIII-го и первой четверти XIX вѣка; это были направленія болѣе въ жизни, чѣмъ въ литературѣ. Собственно литературныя направленія мы замѣчаемъ лишь съ XVIII вѣка, когда литературная дѣятельность получила болѣе широкое примѣненіе въ общественной жизни, и значительное развитіе авторскаго сознанія — въ противоположность древней Руси — явилось результатомъ существованія большаго круга писателей въ

настоящемъ смыслѣ этого слова; въ древней Руси писательское сознаніе было развито крайне слабо, писатели нарождались болѣе или менѣе случайно, и преемственность литературныхъ идей совершалась весьма медленно. Кромѣ этихъ общихъ причинъ, образованію болѣе или менѣе ясно очерченныхъ литературныхъ направленій у насъ въ XVIII вѣкѣ способствовали и нѣкоторыя особыя обстоятельства, обусловившія собою извѣстныя стороны развитія нашей литературы въ указанное время: я разумѣю, главнымъ образомъ, усилившееся вліяніе западно-европейскихъ литературъ на русскую въ XVIII и XIX вв.; къ намъ приходили одно за другимъ съ Запада рядъ готовыхъ литературныхъ направленій, въ полномъ смыслѣ этого слова, и занимали въ нашей литературѣ господствующее положеніе, опредѣляя собою какъ форму, такъ и содержаніе значительной части нашей литературной производительности: имѣю въ виду прежде всего ложноклассицизмъ, сантиментализмъ и романтизмъ. Судьба этихъ пришлыхъ литературныхъ направленій въ нашей литературѣ не только весьма любопытна, но и въ высшей степени важна, такъ какъ съ ними связанъ весь ходъ нашей литературы почти за полтора столѣтія, и имъ подчинялись у насъ лучшіе и даровитѣйшіе представители литературы, уступая вкусамъ и требованіямъ читающей публики или даже пробуждая и развивая эти вкусы въ пользу извѣстнаго, взятаго изъ чужого источника направленія. Какъ всякое широкое и многообъемлющее явленіе, направленія эти приходили къ намъ не сразу, а постепенно, не по вліянію одного, хотя бы и очень даровитаго, лица, но усиліями цѣлаго ряда дѣятелей, — и вотъ для разъясненія этой мысли, не только не доказанной, но даже и недостаточно прямо до сихъ поръ выраженной, я и прошу позволенія остановить вниманіе настоящаго собранія на нѣкоторыхъ пунктахъ историческаго развитія въ нашей литературѣ названныхъ направленій въ XVIII-мъ и первой четверти XIX вѣка.

1.

Въ учебныхъ руководствахъ по исторіи русской литературы довольно твердо установилось мнѣніе, что т. наз. ложно-классическое направленіе въ окончательной формѣ внесено къ намъ Ломоносовымъ и Сумароковымъ, а до него въ зачаткахъ имѣлось оно уже въ произведеніяхъ Кантемира и Тредьяковскаго. Но справедливость этого мнѣнія находится въ зависимости отъ того, въ какомъ смыслѣ должно понимать явившійся въ нашей литературѣ ложно-классицизмъ. Если разумѣть подъ этимъ названіемъ всю сумму тѣхъ частныхъ содержанія и формы, тѣ литературные вкусы и тенденціи и тѣ многообразные способы и приемы ихъ выраженія, которыя опредѣляютъ историко-литературный характеръ и роль французскихъ, а затѣмъ и нѣмецкихъ ложно-классиковъ XVII и нач. XVIII ст., то, принявъ въ расчетъ извѣстныя историческія данныя и имѣя въ виду необходимую пропорціональность явленій нашей литературы и литературъ западныхъ, какъ ея источниковъ въ эту пору, можно принять такое мнѣніе безъ особенныхъ натяжекъ. Но ложно-классицизмъ не явился къ намъ въ столь законченномъ видѣ. Прежде чѣмъ получить свое выраженіе въ одахъ Ломоносова, трагедіяхъ Сумарокова и эпической поэмѣ Хераскова, онъ подвергся не только робкому и случайному примѣненію у Кантемира и уродливымъ опытамъ у Тредьяковскаго, — онъ заявляетъ у насъ свое существованіе, въ самыхъ элементарныхъ формахъ, еще и раньше, въ XVII вѣкѣ и началѣ XVIII, изъ другого литературнаго источника, нежели тотъ, на который обыкновенно указывается, когда дѣло идетъ о русскомъ ложно-классицизмѣ въ ломоносовскомъ и сумароковскомъ смыслѣ: я разумѣю именно тѣ схоластическіе, школьные литературные приемы, которыми характеризуется цѣлый, малоизученный доселѣ періодъ нашей книжной словесности. Прежде ознакомленія съ ложно-классическими произведеніями западныхъ литера-

туръ, послужившими для названныхъ писателей образцами, которымъ они усердно подражали, у русскихъ книжныхъ людей XVII и нач. XVIII-го вѣка, имѣвшихъ возможность получать школьное высшее образованіе, да и вообще не чуждыхъ интереса къ литературѣ, была уже возможность прислушиваться по крайней мѣрѣ къ тѣмъ именамъ древне-классической миѳологіи, которыя позднѣе сдѣлались необходимыми элементами условнаго поэтическаго выраженія. Проф. А. И. Соболевскій указалъ¹⁾ на нѣсколько такихъ литературныхъ явленій въ XVII в., въ которыхъ Парнасъ, Геликонъ, Музы и проч. играютъ роль весьма немаловажныхъ литературныхъ средствъ: это — панегирическія оды Петру Могилѣ 1632 и 1633 г. и подобный же панегирикъ Сильвестру Коссову 1658 г., его преемнику по Кіевской митрополіи. Эта особенность названныхъ произведеній южно-русской литературы XVII в. есть результатъ школьнаго происхожденія послѣдней. Нѣкоторую свободу обращенія съ именами классической миѳологіи, какъ средствомъ литературнаго выраженія, можно усматривать въ самыхъ заглавіяхъ „піитическихъ“ руководствъ Кіевской высшей духовной школы въ XVII и нач. XVIII в.: „*Luga variis praeceptorum chordis ad edendam civilem et palaesticam vocem . . . Apollineo police instructa*“, 1696 г. рук. Кіево-Мих. монастыря № 1719, „*Parnassus, aliis Apollinis Cythara*“ 1719—1720 г. рук. Кіевск. Сем. № 615 и Кіево-Мих. м-ря № 1721²⁾. Что къ началу XVIII в. въ поэтической практикѣ въ Южной Руси приемы обращенія къ средствамъ классической миѳологіи получили извѣстное распространеніе и нуждались даже въ нѣкоторомъ обузда-

1) „Когда начался у насъ ложно-классицизмъ?“ Библиографъ 1890, № 1, стр. 2—3.

2) Н. Петровъ, О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 г. Тр. К. Д. А. 1866 № 7, стр. 309, 313; Его же, Описаніе рукоп. собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ. Вып. I, М. 1892, стр. 278—283.

ни, это можно усматривать изъ наставленій Теофана Прокоповича, нашедшихъ себѣ мѣсто въ курсѣ піитики, который читалъ онъ въ Кіевской Академіи въ 1705 году: „Христіанскій поэтъ — говоритъ онъ тутъ — не долженъ вводить языческихъ боговъ или богинь ради какого-нибудь дѣла Бога нашего или для обозначенія добродѣтелей героевъ; онъ не долженъ вм. мудрость говорить: Паллада, вм. цѣломудріе — Діана, вм. вода — Нептунъ, вм. огонь — Вулканъ; имена ихъ онъ можетъ употреблять только метонимически“ ¹⁾. Въ нѣсколько позднѣйшей піесѣ 1728 г. „Милость Божія“, вышедшей изъ стѣнъ Кіевской Академіи, въ числѣ аллегорическихъ дѣйствующихъ лицъ въ хорѣ являются „Муза и Аполло“, возвѣщая „грядущую ляхомъ погибель“ ²⁾.

Указанная терминологія и литературные приемы изъ Кіева школьнымъ путемъ перешли въ Москву: такого именно характера въ Московской Академіи слушалъ піитику Ломоносовъ отъ учителя Теодора Квѣтницкаго, которому принадлежитъ рукописное руководство: „Clavis poëtica Rossicae juventuti januam vivos ad Parnassi fontes duplici methodo: una ligatae, altera solutae orationis aperiens Augustissima Imperante Anna non ferreo Vulcani malleo, sed cerebellea Theodori Kwietnitscii, incude Mosquensi in Academia excusa. 1732“ ³⁾. Съ юга же перенесены были въ Москву эти приемы и въ практическомъ примѣненіи — главнымъ обра-

1) Лекціи О. Прокоповича, изд. Г. Конисскимъ въ Могилевѣ въ 1786 г. подъ заглавіемъ: „De arte poëtica libri III, ad usum et institutionem studiosae juventutis Roxolanae dictati Kioviae in orthodoxa Academia Mohyleana, anno Domini 1705“, I. III, p. 101: ср. Н. С. Тихонравовъ. „Трагедокомедія Теоф. Прокоповича Владиміръ“, Ж. М. Н. Пр. 1879 № 5, стр. 63.

2) Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни малорускаго народа II, вып. 1. Кіевъ 1875, стр. 143.

3) Г. Воскресенскій, Ломоносовъ и Московская Славяно-Греко-Латинская Академія. Годичный Актъ въ Моск. Дух. Академіи 1 окт. 1890 года. М. 1890, стр. 21.

зомъ благодаря Симеону Полоцкому, одно изъ стихотвореній котораго „Орель Россійскій“, вошедшее въ составъ „Риѣмологіона“ (рук. Синод. библ. 1678 года № 287), весьма щедро снабжено ложно-классическимъ литературнымъ аппаратомъ, съ воззваніями къ Парнасу, Аполлону, Музамъ, Орфею, Аріону, Амфіону¹⁾. Я сказалъ уже, что Кантемиромъ были до нѣкоторой степени усвоены въ его произведеніяхъ ложно-классическіе приемы литературнаго выраженія, но тутъ умѣстно упомянуть еще и о томъ, что его другъ и старшій современникъ Теофанъ Прокоповичъ, предостерегавшій, какъ мы видѣли, въ своемъ руководствѣ по Риторикѣ отъ излишняго употребленія именъ языческой мифологіи съ литературными цѣлями, и самъ, въ приличномъ случаѣ, не прочь былъ иногда прибѣгать въ своихъ стихотворныхъ опытахъ къ такому средству:

Объемлетъ тебя Аполлинъ великій;
 Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель;
 О тебѣ поютъ парнасскіе лики —

писалъ онъ къ кн. А. Д. Кантемиру по поводу его первой сатиры „Къ уму своему“²⁾.

На ложноклассицизмъ въ той формѣ, какъ онъ явился у Ломоносова, Сумарокова и Хераскова, я останавливаться не буду, по общеизвѣстности этого предмета; замѣчу только, что если въ названныхъ произведеніяхъ это литературное направленіе слегка было предначертано въ смыслѣ внѣшнихъ приѣмовъ, оправдываемыхъ еще старыми схоластическими вкусами, то у упомянутыхъ писателей оно явилось въ полномъ разцвѣтѣ цѣльной теоріи, взятой изъ Германіи и Франціи и породившей у насъ особую эпоху, которая носила на себѣ всѣ черты литературныхъ вкусовъ времени.

1) Соболевскій, 1. с. стр. 4—5.

2) Сочиненія, письма и избранные переводы князя А. Д. Кантемира, подъ ред. П. А. Ефремова, I, Спб. 1867, стр. 22. Ср. также Петрова, назв. соч., Тр. К. Д. А. 1867, I, стр. 103.

Строго говоря, эти ложноклассическіе литературные вкусы, господствовавшіе въ нашей литературѣ въ продолженіе почти всего XVIII вѣка, за исключеніемъ развѣ послѣдняго его десятилѣтія, въ точномъ смыслѣ не могутъ быть обозначаемы именемъ литературнаго направленія, если подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть такое теченіе въ суммѣ литературныхъ понятій и фактовъ данной эпохи, которое, не ограничиваясь виѣшне взятыми чужими приѣмами, проникаетъ въ содержаніе литературы и отражаетъ на себѣ извѣстную сторону ея жизненныхъ требованій и данныхъ. Это было не столько направленіе, сколько фактъ усвоенія чужой литературной манеры и опредѣляемыхъ ею вкусовъ, въ дѣлѣ приложенія которыхъ къ дѣйствительной жизни получившіеся въ результатъ литературные факты были лишены всякаго жизненнаго значенія.

Первымъ литературнымъ направленіемъ, въ значительной степени заслуживающимъ это названіе, является у насъ т. наз. сантиментализмъ, въ дѣлѣ введенія котораго въ нашу литературу имя Карамзина — по общему мнѣнію — играетъ ту же роль, что и имена Ломоносова и Сумарокова относительно ложноклассицизма. Мы имѣемъ въ виду показать, что и сантиментализмъ, подобно ложноклассицизму, явился въ нашей литературѣ не сразу.

Какъ на западѣ, такъ и у насъ сантиментальное направленіе, явившееся на смѣну ложноклассицизму, было въ то же время протестующимъ началомъ относительно послѣдняго во имя участія жизни сердца и вообще непосредственныхъ сторонъ духовной человѣческой природы въ литературѣ; вооружаясь противъ узкости въ выборѣ содержанія и напыщенной сухости его выраженія, новое направленіе открывало болѣе широкіе пути въ развитіи литературы, приводя послѣднюю въ соприкосновеніе съ дѣйствительной жизнью. Поэтому, въ исторіи появленія у насъ

сантиментальнаго направленія должны занять извѣстное мѣсто и тѣ выраженія недовольства литературей ложноклассическаго характера, которыя имѣются въ журналахъ 60-хъ и 70-хъ годовъ XVIII вѣка: въ этомъ отношеніи въ особенности слѣдуетъ отмѣтить нападки „Парнаскаго Щепетильника“, „Всякой Всячины“, „Адской Почты“, „Трутня“, „И то и сѣ“¹⁾. Неизвѣстный авторъ стих. „Мысли“, помѣщеннаго въ журналѣ „Вечера“ (1772—1773 гг.) восклицалъ съ горькой прошеёй, обращаясь къ современному стихотворцу:

. . . Если хочешь ты плѣнить умы людскіе,
Старайся только въ стихъ собирать слова такіа,
Которыхъ бы никто совсѣмъ не разумѣлъ,
Чтобъ стихъ твой у тебя безъ разума гремѣлъ.
Такіе-то у насъ писцы въ великой модѣ,
Которые совсѣмъ вопреки идутъ природѣ! . . .
Пиши поэмы ты и оды пухлымъ слогомъ,
То будешь возглашенъ межъ всѣхъ парнасскимъ богомъ.
Чѣмъ будетъ болѣе затмѣнныхъ мыслей въ ней,
Тѣмъ болѣе хвалы услышишь отъ людей²⁾.

Въ „Адской Почтѣ“ (1769) устами одного изъ бѣсовъ передается разговоръ, бывшій на обѣдѣ „у нѣкотораго человѣка, любящаго словесныя науки“. Хотя цѣлью „разговора“ является желаніе возвысить Сумарокова на счетъ Ломоносова, но мысль эта весьма любопытно мотивируется вообще преимуществомъ драматической поэзіи передъ лирической: „ежели теперь больше въ свѣтѣ людей, нежели героевъ, то смѣю сказать, что трагедія полезнѣе оды“³⁾. Весьма любопытно въ этомъ „разговорѣ“ слѣд. мѣсто:

1) А. Аванасьевъ, Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. Эпизодъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка. М. 1859, стр. 50—56.

2) Тамъ же, стр. 56.

3) Тамъ же, стр. 78.

„большая часть гостей прославляла сочиненія лирическаго, которыхъ многіе изъ нихъ не разумѣютъ; а меньшая, но лучшаго вкуса, отдавала первенство нѣжностямъ“¹⁾; тутъ т. о. лирика, по преимуществу посившая на себѣ въ XVIII в. черты подчиненія ложноклассической теоріи, противопоставляется „нѣжностямъ“, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть прибудившійся вкусъ къ нѣкоторой простотѣ, естественности литературнаго содержанія и выраженія. Какъ извѣстно, насмѣшка надъ одописцами XVIII вѣка наиболѣе сильное выраженіе получила въ знаменитой сатирѣ Дмитріева „Чужой толкъ“, въ 1795 году, когда уже первыя и наиболѣе важныя произведенія Карамзина въ сантиметальномъ вкусѣ были совершившимся фактомъ и произвели на читающую публику немалое вліяніе.

Естественная склонность къ выраженію чувствительности, извѣстныхъ мотивовъ сердца еще очень задолго до Карамзина находила себѣ нѣкоторое удовлетвореніе, если не упоминать о XVII вѣкѣ²⁾, въ любовныхъ стихотвореніяхъ первыхъ десятилѣтій XVIII-го в.: разумѣемъ здѣсь гл. обр. стихотворенія Императрицы Елизаветы Петровны, В. И. Мона, Е. Столѣтова³⁾. Въ журналахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ XVIII ст., какъ въ стихотвореніяхъ такъ и въ прозаическихъ піесахъ, нерѣдко попадаетея восхваленіе „чувствительности“. Въ „Утреннемъ Свѣтѣ“ неизвѣстный авторъ Сонета такъ, между прочимъ, обращается къ писателямъ:

Трудами вашими въ насъ дѣйствуетъ ученье,
Во сердце книга намъ чувствительность ліетъ⁴⁾.

Въ „Покоющемся Трудолюбцѣ“ въ статьѣ „Общія примѣ-

1) Тамъ же, стр. 76.

2) Л. Н. Майковъ, Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII ст. Спб. 1889, стр. 230.

3) Тамъ же, стр. 212—216.

4) Ч. III, изд. 2, М. 1779, стр. 274.

чанія о путешествіяхъ“ читаемъ: „видъ человѣческой бѣдности во всѣхъ степеняхъ и во всѣхъ подробностяхъ умножаетъ вдругъ понятіе и чувствительность¹⁾; въ томъ же журналѣ въ статьѣ „О пріятности, которую находитъ человѣкъ въ уединеніи, о причинахъ прелести сея и о томъ, сколько она не сильна доказать то, что человѣкъ сотворенъ для уединенія“ говорится: „чувствительное сердце мое б. м. съ большею, нежели кого другого, охотою предается прелестямъ размышленій“²⁾. Въ изданіи „Распускающійся цвѣтокъ или собраніе разныхъ сочиненій и переводовъ издаваемыхъ питомцами учрежденнаго при Имп. Моск. Унив. вольнаго благороднаго пансіона. М. 1787“ въ „Письмѣ къ Г. Д.“ (съ нѣмецкаго) читаемъ: „еслибъ всѣ прорицатели объявили меня мудрѣйшимъ изъ всѣхъ, я признаюсь, что еслибъ можно было, то бы я промѣнялъ всю мою мудрость на славу чувствительнаго человѣка“³⁾. Съ преобладаніемъ сантиментальнаго содержанія являются повѣсти: „Великодушный расносчикъ“⁴⁾, „Пирринъ и Лусетта или деревенская искренность“ (съ нѣмецкаго)⁵⁾ и др. Чувствительностью любовнаго характера отмѣчены многія „пѣсни“ Сумарокова, и меланхолической грустью и наклонностью къ мечтательности — нѣкоторыя лирическія стихотворенія друга и покровителя Карамзина М. Н. Муравьева (1757—1807)⁶⁾. Въ дѣлѣ подготовленія почвы для укорененія сантиментализма въ нашей литературѣ нельзя забывать и извѣстной роли нашихъ масоновъ, особенно Н. И. Новикова⁷⁾ и И. В. Лопухина, дружбою, по-

1) Ч. II, М. 1784, стр. 132.

2) Ч. I, М. 1784, стр. 128.

3) Стр. 114—115.

4) Вечерняя Заря. Ч. I, М. 1782, стр. 336—341.

5) Утренній Свѣтъ. Ч. IX, М. 1780, стр. 119—135.

6) Напр. стихотв. „Ночь“: Соч. т. I, Спб. 1819, стр. 28—29.

7) О сантиментальныхъ статьяхъ въ журналѣ Новикова „Пок. Труд.“ (1784—1785) см. у А. И. Незеленова: Н. И. Новиковъ, стр. 394—396.

кровительствомъ и нравственнымъ вліяніемъ которыхъ пользовался Карамзинъ въ молодые годы своей жизни, еще только приготавливаясь къ ожидавшей его литературной карьерѣ ¹⁾).

Наконецъ, предвѣстниками той господствующей роли, которую съ начала послѣдняго десятилѣтія XVIII в. стали играть въ нашей литературѣ сантиментализмъ въ сочиненіяхъ Карамзина и его послѣдователей, были переводы на русскій языкъ нѣкоторыхъ произведеній французской, англійской и нѣмецкой литературы, которыя тамъ являлись протестомъ противъ господствовавшего ложноклассицизма. Уже въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія является рядъ переводовъ т. наз. „мѣщанскихъ драмъ“ Лилло, Детуша, Дидро, Бомарше и др., пользовавшихся на нашей сценѣ замѣчательнымъ успѣхомъ, такъ безпокоившимъ ложно-классика Сумарокова, и вызвавшихъ въ свою очередь рядъ подражаній ²⁾. Въ 1769 г. появился переводъ I ч. „Новой Элоизы“ Руссо, а въ 1787 г. напечатана была на русскомъ языкѣ „Памела“ Ричардсона ³⁾. Этимъ романомъ окончательно закрѣпленъ былъ интересъ и сочувствіе русской читающей публики новымъ литературнымъ вкусамъ, которыми питался и молодой Карамзинъ и въ которыхъ нѣсколько позднѣе, выступивши самъ въ качествѣ литератора съ сантиментальнымъ направленіемъ, нашелъ уже крѣпкую опору для своей дѣятельности. Карамзинъ своимъ огромнымъ личнымъ дарованіемъ оказалъ неоцѣнную услугу сантиментальному направленію въ русской литературѣ, но господство этого направленія у насъ было подготовлено въ значительной степени еще до него, и самъ онъ явился, м. б., въ такой жѣ степени его творцомъ въ русской лите-

1) А. Дубицкій, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. Историко-литературное изслѣдованіе. Казань 1889, стр. 50—51.

2) Галаховъ, Ист. Р. Слов. Изд. 2. Т. I отд. 2, стр. 224.

3) Тамъ же, т. II, стр. 26—27.

ратурѣ, какъ и его продуктомъ. Еще до Карамзина, въ силу опредѣлившихся общественныхъ вкусовъ, будущность несомнѣнно принадлежала новому сантиментальному направлению, и небольшой, но характерный трудъ І. Аполлоса ¹⁾, явившійся на помощь ложно-классицизму въ поэзіи, былъ лишь весьма слабымъ отзвукомъ старыхъ литературныхъ понятій, лишенныхъ надежды на дальнѣйшее существованіе.)

3.

Третьимъ литературнымъ теченіемъ въ разсматриваемый нами періодъ времени русской литературы является романтизмъ, представителемъ котораго считается у насъ Жуковскій. Если сантиментализмъ былъ весьма существеннымъ протестомъ противъ ложнаго классицизма во имя естественности и жизненной правды въ литературѣ, то романтизму, который явился среди отживавшаго и безсильнаго классицизма въ одной стороны и популярнаго сантиментализма — съ другой, нельзя приписать такой роли: тутъ не было ни борьбы, ни протеста, а только — примѣненіе извѣстныхъ западныхъ литературныхъ приѣмовъ и вкусовъ къ тѣмъ обстоятельствамъ и къ той литературной почвѣ, которая уже была подготовлена дѣятельностью Карамзина, его предшественниковъ и послѣдователей. Романтизмъ въ нашей литературѣ, какъ онъ представляется гл. обр. въ дѣятельности Жуковскаго, въ своихъ основаніяхъ былъ уже сантиментализма. Сантиментальное направленіе, охватившее во вторую половину XVIII вѣка главнѣйшія литературы Зап. Европы, можетъ быть охарактеризовано довольно общими чертами, матеріалъ для которыхъ дадутъ и англичане, и французы, и нѣмцы, но англійскій романтизмъ былъ не по-

1) Словарь піитико-историческихъ примѣчаній. Въ пользу юношества, обучающагося поэзіи въ Семинаріи Троицкой. М. 1781

хожъ на нѣмецкій, который въ свою очередь сильно отличался отъ романтизма французскаго. Формы западнаго романтизма опредѣлились національными началами западно-европейскихъ народностей, чертами ихъ исторіи, быта, литературныхъ и общекультурныхъ преданій. Подобно классицизму и сентиментализму, искусственно внесенный въ нашу литературу, путемъ литературнаго заимствованія и подраженія, нашъ романтизмъ былъ именно романтизмомъ нѣмецкимъ и отчасти англійскимъ; въ такомъ смыслѣ опредѣлялъ свою дѣятельность и Жуковскій въ письмѣ къ Стурдзѣ 1849 г., гдѣ онъ называетъ себя „родителемъ на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическимъ дядькою чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ“¹⁾. Впрочемъ, этотъ чужеземный романтизмъ былъ переработанъ нашимъ поэтомъ въ совершенно своеобразное поэтическое міросозерцаніе.

Но и у Жуковскаго — романтика были предшественники. Литературный романтизмъ Жуковскаго отмѣчается двумя главными особенностями: меланхолической настроенностью и излюбленными формами выраженія — романсомъ и балладой. Меланхолическую настроенность мы находимъ въ самыхъ раннихъ его стихотвореніяхъ: „Добродѣтель“ (1798, нач.: „Подъ звѣзднымъ кровомъ тихой ночи . . .“) и особенно переводъ Греевой элегіи „Сельское кладбище“ (1802); одна же изъ двухъ названныхъ поэтическихъ формъ получила впервые свое выраженіе въ балладѣ, „Людмила“ (1808). Присутствіе поэтической грусти замѣтно уже у Карамзина и другихъ представителей сентиментальныхъ вкусовъ въ литературѣ; ею проникнуты въ особенности многія раннія стихотворенія Карамзина, и для примѣра можно указать на замѣчательное въ этомъ отношеніи посланіе его къ И. И. Дмитрѣеву (1793), въ которомъ онъ высказываетъ своему другу такое неутѣшительное убѣжденіе:

1) Галаховъ, Ист. Р. Слов. Т. II, стр. 250.

Ахъ! зло подъ солнцемъ безконечно,
И люди будутъ — люди вѣчно! 1)

Карамзину же принадлежатъ и первые опыты въ указанныхъ любимыхъ формахъ романтической поэзіи: его романсъ „Раиса“ (названный имъ почему-то „древней балладой“) написанъ въ 1791 году, а баллада „Графъ Гваринось“ (названная авторомъ „древней гишпанской исторической пѣснью“) въ 1789-мъ 2). Эта литературная связь Жуковскаго съ Карамзинымъ вполне оправдывается и тѣми личными чувствами дружбы и благоговѣйнаго уваженія, которыя питалъ Жуковскій къ своему славному литературному предшественнику и современнику. Лично узналъ Жуковскій Карамзина еще въ пору своего ученья въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ въ самые послѣдніе годы прошлаго столѣтія: Карамзинъ былъ однимъ изъ почетныхъ посѣтителей литературнаго „собранія“ воспитанниковъ, среди которыхъ уже тогда выдавался своими поэтическими способностями будущій поэтъ-романтикъ 3); въ 1802 г. въ VI-мъ № „Вѣстника Европы“ Карамзинъ далъ мѣсто упомянутому переводу Жуковскаго элегии Грея „Сельское кладбище“, которое хотя и не было его первымъ печатнымъ произведеніемъ 4), но было первымъ настоящимъ его выступленіемъ на литературное поприще: одобреніе, т. о. выказанное Карамзинымъ переводу Жуковскаго, придадо послѣднему много бодрости и окрылило его писательскія надежды 5). Жуковскій и позднѣе не упускалъ случаевъ пользоваться личнымъ знакомствомъ съ Карамзинымъ и прислушиваться

1) Соч. Карамзина. Изд. 4. Т. I. Спб. 1834, стр. 40.

2) Соч. Карамзина I, стр. 21—25, 118—124.

3) П. Загаринъ, В. А. Жуковскій и его произведенія. Изд. 2. М. 1883, стр. 15—16.

4) Соч. В. А. Жуковскаго. Изд. 8. Т. I. Спб. 1885, стр. 501—504.

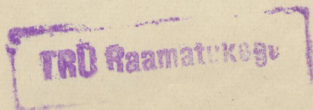
5) П. Загаринъ, стр. 47. Ср. однородное по духу стихотвореніе Карамзина 1793 года „Кладбище“: Соч. I, стр. 16—18.

къ его совѣтамъ и мнѣніямъ ¹⁾, и Карамзинъ, со своей стороны, цѣня и понимая благородную и безкорыстную привязанность къ себѣ Жуковского, оказывалъ ему всевозможные знаки дружбы и расположенія ²⁾. Въ этихъ натурахъ дѣйствительно было много общаго, могущаго связать ихъ самыми прочными узами дружбы, неизмѣнно продолжавшимися до самой смерти Карамзина ³⁾; замѣчательное благородство характеровъ обоихъ, возвышенное поэтическое настроеніе, страстная любовь къ литературѣ — все располагало къ этой дружбѣ. Но при всемъ томъ между ними была и разница, которая впрочемъ могла только содѣйствовать ихъ тѣсной дружеской связи. Натура Карамзина, на нашъ взглядъ, разностороннѣе и шире, натура Жуковского средоточеннѣе и глубже. Въ этомъ смыслѣ умѣстно привести тутъ справедливыя слова П. Загарина: „Жуковский не Карамзинъ, эклектичeskій умъ котораго въ юности жадно впитывалъ идеи современниковъ самыхъ противоположныхъ направленій, сначала удовлетворяясь тѣми полуистинами, изъ которыхъ слагаются т. наз. вѣянія времени (на бѣду, породившія тогда у насъ не болѣе, какъ сантиментализмъ и пастораль), а потомъ, въ лѣта болѣе зрѣлыя, разрѣшившій свои исканія въ историческое воззрѣніе, не согрѣтое никакимъ философскимъ идеаломъ. Жуковский, напротивъ, даже у какаго-нибудь второстепеннаго выразителя мысли, которая рано залегла въ его душу, нерѣдко воспринималъ слова въ какомъ-то повомъ и серьезномъ значеніи. Что для другихъ было модною фразою, въ душѣ Жуковского творчески наполнялось содержаніемъ, дававшимъ начало тѣмъ нитямъ, изъ которыхъ ткалась вся жизнь поэта и человѣка. Онъ не понималъ, что съ словомъ или мыслию можно пошутить или полюбоваться ими — для того, чтобы

1) Тамъ же, стр. 53, 177, 345.

2) Тамъ же, стр. 244—246.

3) Тамъ же, стр. 358.

потомъ бросить, какъ вышедшее изъ моды украшеніе 1).

Вторымъ предшественникомъ Жуковскаго въ области романтической баллады былъ Гавр. Петр. Каменевъ (1772—1803), которому принадлежитъ баллада „Громваль“, впервые появившаяся въ „Періодическомъ изданіи Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ“, ч. I, Спб. 1804 2). Это произведеніе уже гораздо ближе, нежели „Графъ Гваринось“ Карамзина, подходитъ къ типу настоящей баллады въ романтическомъ вкусѣ; по участию въ ней элемента ужаснаго и вообще по той свободѣ, которая дана въ ней фантазіи, баллада Каменева уже вполне напоминаетъ однородныя произведенія Жуковскаго 3).

Она начинается описаніемъ ночного прибытія витязя Громвала, при мрачной и торжественной обстановкѣ природы, къ замку волшебника Зломара. Вотъ, онъ подъѣзжаетъ къ замку:

Синее пламя изъ замка блеститъ,
Свѣтъ отражая въ струистомъ ручьѣ;
Тѣни въ огняхъ мелькаютъ и взадъ и впередъ;
Завыванія, стоны въ немъ глухо ревуть.

Витязь, сошедши поспѣшно съ коня,
Идетъ къ воротамъ, заросшимъ травой,
Ударяетъ въ нихъ сильно булатнымъ копьемъ,
Но на стукъ отвѣчаютъ лишь гулы въ лѣсу.

Вмигъ потухаетъ внутрь замка огонь,
Свѣтъ умираетъ въ объятіяхъ тьмы;

1) В. А. Жуковскій, стр. 237.

2) О дѣятельности этого Общества и о слѣдахъ участія въ ней Каменева см. нашу статью „Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной и литературной дѣятельности А. Х. Востокова“ Ж. М. Н. Пр. 1890, № 3 и отд. Спб. 1890.

3) Содержаніе ея рассказано у П. Загарина, стр. 39—40, а цѣликомъ она перепечатана у Галахова въ „Истор. Хрестоматіи новаго періода русской словесности“ т. II, стр. 72—77.

Завыванія, стоны утихли, молчать;
Усугубилась буря, удвоился дождь.

Громваль безстрашно входитъ въ замокъ, разбивая желѣзные ворота и разрушая всякія препятствія, окруженный глубокой тьмой. Послѣ угрожающей рѣчи къ невидимому имъ волшебнику-хозяину замка, Громваль погружается въ сонъ, въ которомъ и проводитъ цѣлыя сутки. Пробудившись ровно въ полночь, видитъ онъ передъ собой слѣдующую картину:

Вдругъ затрепало по замку какъ громъ,
Стѣны трясутся, окошки звенять,
И, какъ молнія быстро блистаетъ во тьмѣ,
Освѣщается зала ужаснымъ огнемъ.

Громко всѣ двери стучать, отворясь:
Въ саванахъ бѣлыхъ, съ свѣчами въ рукахъ,
Появляются тѣни — за ними несутъ
Гробъ желѣзный скелеты въ рукахъ костяныхъ.

Въ залѣ обширной поставили гробъ,
Крышка слетѣла мгновенно съ него,
И волшебникъ Зломарь — ужасающій видъ! —
Бездыханень лежалъ въ немъ, открывши глаза.

Полъ разступился, и адскій огонь
Съ вихремъ трескучимъ и съ громомъ летить,
Охвативъ гробъ желѣзный, какъ жаръ раскалилъ;
Застоналъ стономъ тяжкимъ геены Зломарь.

Въ дикихъ, свирѣпыхъ кровавыхъ глазахъ
Ужасъ начертанъ, отчаянье, скорбь;
Изо рта пѣна черная клубомъ кипить:
Но лежитъ неподвижно, какъ трупъ, чародѣй.

Духи, скелеты, руками схватясь,
Гаркаютъ, воютъ, хохочутъ, свистятъ.
Въ изступленномъ восторгѣ бѣснуясь, они
Пляшутъ адскую пляску вдругъ гроба его.

Но эту картину смѣняетъ другая :

Вдругъ раздалася волшебна свирѣль,
Арфы внезапный послышался звукъ,
Растворился сводъ залы, и розовый лучъ
Разогналъ тихимъ свѣтомъ сгущенную ночь.

Въ облакъ легкомъ душистыхъ паровъ
Будто бы свѣжій дышалъ вѣтерокъ,
И въ поднебесьѣ лебедь спокойно плыла,
Опускается тихо волшебница въ залъ.

Чище лилеи одежда ея,
Поясъ по чресламъ какъ яхонтъ горитъ ;
Какъ игра златояркой восточной звѣзды,
Такъ веселость сіяетъ у ней во очахъ.

Это — волшебница Добрада, которая извѣщаетъ витязя, что Зломаръ погибъ, но что похищенную имъ Рогнеду, по-другу Громвала, которую стерегутъ два крылатыхъ Зиланта въ стальной темницѣ, далеко за лѣсомъ, въ песчаныхъ степяхъ, витязь можетъ получить обратно лишь по пролитіи ея крови. Громваль подчиняется этому приговору, съ величайшими трудностями достигаетъ стального замка, мѣста заключенія Рогнеды, становясь передъ новыми страшными препятствіями :

Грозно идетъ онъ, — подъ крѣпкой пятой
Мертвыя кости, черепья хрустятъ ;
Враны, птицы ночныя и нетопыри
Пробуждаются въ мшистыхъ разсѣлинахъ стѣнъ.

Облакомъ вьются надъ замкомъ они,
Воздухъ колеблетъ ужасный ихъ крикъ ;
И Зиланты, послышавъ Громваловъ приходъ,
Ипускаютъ вой, свисты и крыльями бьютъ.

Челюсть разинувъ, летятъ на него :

Копьями жала торчатъ изъ пастей ;

Чешуею брячатъ, извивая хвосты,

Выпускаютъ погубельны кости изъ лапъ.

Но у витязя есть волшебный рогъ, которымъ онъ оглушаетъ чудовищъ и погружаетъ ихъ въ смертный сонъ; затѣмъ далѣе, на порогѣ темницы, его встрѣчаетъ исполинъ; происходитъ отчаянная схватка, изъ которой Громваль выходитъ однакоже побѣдителемъ; онъ вонзаетъ свой мечъ въ челюсть великана:

Черная пѣна, багровая кровь
 Хлещетъ, клубится изъ пасти его;
 Разъяренный мученьемъ, со смертью борясь,
 Роетъ землю ногами, трепещетъ, кришить.
 Вмѣстѣ сливаясь кипящей струей,
 Пучится, бродитъ гигантова кровь;
 Поднявшись облачкомъ, легкій паръ отъ нея
 Образуетъ Рогнеды прекрасной черты.

Такъ исполнился приговоръ волшебницы Добрады о пролитіи витяземъ крови Рогнеды. Затѣмъ происходитъ трогательное свиданіе Громвала съ Рогнедой, которые вмѣстѣ немедленно оставляютъ ужасную темницу.

Я привелъ содержаніе баллады Каменева, конечно, не ради поэтическихъ достоинствъ, которыхъ въ ней очень мало, но для нагляднаго указанія на то, что главнѣйшія принадлежности баллады, какъ она является у Жуковскаго, — таинственное и ужасное — уже въ достаточномъ развитіи можно найти въ произведеніи Каменева.

Пропомнимъ, что и Пушкинъ отдавалъ дань уваженія литературнымъ заслугамъ Каменева: „Этотъ человекъ — говорилъ онъ — достоинъ былъ уваженія: онъ первый въ Россіи осмѣлится отступить отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти“ 1). Не лишено интереса также и то мелкое обстоятельство, что названіе баллады Жуковскаго 1810 года „Громбой“ задолго

1) Александра Фуксъ, Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ. Казань 1844, стр. 9.

предвосхищено было Каменевымъ въ его повѣсти того же имени, напечатанной въ журналѣ И. И. Мартынова „Муза“ 1796, ч. II, стр. 29 1).

Если бы обратиться къ подробному изученію русскихъ журналовъ XVIII вѣка, то можно было бы, безъ особаго труда, еще увеличить этотъ перечень литературныхъ фактовъ, вполне достаточный, впрочемъ, для утверженія уже высказанной мною въ самомъ началѣ мысли, — что ложноклассицизмъ, сантиментализмъ и романтизмъ въ нашей литературѣ появились не сразу и не какъ результатъ единичной дѣятельности знаменитыхъ авторовъ, имена которыхъ обыкновенно связываются съ этими направленіями; напротивъ, они подготовлялись предшествовавшими литературными попытками, т. е. носились въ воздухѣ преяде, чѣмъ были восприняты талантливимъ перомъ Ломоносова, Сумарокова, Карамзина или Жуковского, которые своими сочиненіями увеличивали вкусъ къ нимъ читающей публики, давая хорошіе литературные образцы и вызывая къ подражанію себѣ другія, менѣе видныя дарованія. Въ этой спокойной и медленной преемственности явленій, характеризующей обычный ходъ историческихъ событій, можно уematривать законность и даже необходимость названныхъ направленій въ исторіи нашей литературы двухъ послѣднихъ столѣтій, которыя, смѣняя одно другое, привели ее къ господству народнаго начала въ лицѣ Пушкина, имѣвшаго, въ свою очередь, предшественниковъ въ Жуковскомъ, Батюшковѣ и Грибоѣдовѣ.

Каждое изъ трехъ литературныхъ направленій, о которыхъ я имѣлъ честь говорить, въ примѣненіи къ русской почвѣ сопровождалось крайностями и увлеченіями, которыя порождали литературные факты отрицательнаго достоинства и даже въ свое время вызывали осужденіе и насмѣшку:

1) А. Неустровъ, Историч. розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703--1802 гг. Спб. 1874, стр. 799.

стоитъ вспомнить „Чужой толкъ“ Дмитріева, литературную полемику противъ неумѣлыхъ послѣдователей Карамзина, насмѣшки кн. Шаховского надъ Жуковскимъ и т. д.; но не слѣдуетъ забывать, что при всемъ этомъ и ложноклассицизмъ, и сантиментализмъ, и романтизмъ сыграли существенную и благотворную роль въ развитіи нашей литературы не только потому, что они исторически — въ судьбахъ нашей литературы — были необходимы, но и потому еще, что служили проводниками ознакомленія у насъ съ формами и содержаніемъ богатыхъ литературъ европейскихъ, развивали и совершенствовали литературные вкусы и хотя медленно, но вѣрно приближали нашу литературу къ пониманію своихъ собственныхъ задачъ въ духѣ народности и вмѣстѣ съ тѣмъ уваженія къ требованіямъ всечеловѣческаго искусства и истинной, просвѣщенной гуманности.

Цѣна 25 коп.

Того же автора

(въ отдѣльныхъ изданіяхъ):

- Древнія поученія на воскресные дни великаго поста. Спб. 1886.
 Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древне-русской литературѣ. Спб. 1887.
 Серапіонъ Владимирскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Спб. 1888.
 Цѣна 2 руб.
 Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной и литературной дѣятельности
 А. X. Востокова. Спб. 1890.
 Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи не-
 бесномъ и о воспитаніи чадъ. Спб. 1893. Ц. 50 коп.
 Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. I—III.
 Кіевъ 1894. Ц. 60 коп.
 Очерки изъ литературной исторіи Синодика. Спб. 1895. Ц. 2 р. 50 коп.
 Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ бібліотекѣ Историко-
 филологическаго Института кн. Безбородко. Кіевъ 1895. Ц. 50 коп.
 Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу (1832—1850). Второе изданіе,
 сверенное по подлинникамъ, исправленное и пополненное, съ при-
 соединеніемъ четырехъ писемъ Н. Я. Прокоповича къ Н. В. Гоголю
 (1847—1850) и двухъ фототипическихъ снимковъ. Кіевъ 1895.
 Цѣна 60 коп.
 Гимназія Высшихъ Наукъ князя Безбородко. Историческій очеркъ.
 Спб. 1895. Ц. 50 коп.
 А. С. Урибоѣдовъ. Рѣчь. Кіевъ 1895. Ц. 25 коп.
 О нѣкоторыхъ басняхъ Крылова въ педагогическомъ отношеніи. Кіевъ 1895.
 Ц. 25 коп.

*Изданія, при которыхъ обозначена цѣна, можно получить въ книжныхъ
 магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина) и у автора (Юрьевъ. Университетъ).*